

Николай Александрович Бердяев
Новое Средневековье
(Размышления о судьбе России)
Берлин: Обелиск, 1924.

Рушатся основы мирозерцания XIX века, и потому рушатся основанные на нем государства и культуры. Рушатся государства монархические и демократические, одинаково имевшие в своей первооснове гуманизм. Переживает кризис и крах не та или иная форма государства, а само государство. Крепких, долголетних государств не осталось. Ни одно государство не знает, что будет с ним завтра. Никакой легитимизм, легитимизм ли старых монархий или легитимизм новых демократий с их формальной идеей народовластия, не имеет более силы над душами людей. Никто более не верит ни в какие юридические и политические формы, никто ни в грош не ставит никаких конституций. Все решается реальной силой. Прав Лассаль в своей замечательной речи о конституции. Государство держится не юридическими, а социально-биологическими основами. Это окончательно обнаружила мировая война, совершенно дискредитировавшая идею формального права. Итальянский фашизм не менее, чем коммунизм, свидетельствует о кризисе и крахе старых государств. В фашизме спонтанные общественные соединения идут на смену старому государству и берут на себя организацию власти. Добровольческая фашистская армия существует наряду с старой государственной армией, фашистская полиция наряду с старой государственной полицией и имеет реальное преобладание. Это не есть принцип новой истории, это, скорее, принцип конца Римской империи и начала Средневековья. И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере Новое средневековье, как и коммунизм. Фашизм глубоко противоположен принципу формального легитимизма, он не хочет его знать, он есть непосредственное обнаружение воли к жизни и воли к власти, обнаружение биологической силы, а не права. Падение

законного принципа власти, правового принципа монархий и демократий и замена его принципом силы, жизненной энергии спонтанных общественных групп и соединений я условно называю новым средневековьем, фашизм не знает, во имя чего он действует, но он переходит уже от юридических форм к самой жизни. Совершенно также потеряла власть над душами людей рационалистическая философия, легитимизм познания, обоснованный гносеологически. Гносеология и есть юриспруденция в познании, формалистика, законничество. Теперь вес движение мысли ищет философии жизни и жизненной философии, хочет перейти к предметности. В философском мышлении тоже обнаруживается своего рода фашизм. Он также еще не знает своего "во имя", но переходит от формы к содержанию, от вопроса о законных правах познания к вопросу о самом познании жизни и бытия. Влиятельная философия перестает быть академической, школьной, как влиятельная политика перестает быть парламентской. Все это симптомы одного и того же процесса, стремление приобщиться к жизни. Мир проходит через хаос, но стремится к образованию духовного космоса, универсума, подобного средневековому. Упадок должен предшествовать новому средневековью. Нужно проследить элементы отмирающие и элементы нарождающиеся. Но все время нужно помнить, что в силу присущей человечеству свободы оно может идти двумя путями, что будущее двойственно. Я пытаюсь начертить путь, которым оно должно идти, все время имея в виду эту двойственность.

Индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни — все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы, которая изменила весь характер человеческой жизни, весь стиль ее, оторвав жизнь человеческую от ритма природы. Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление нанреальнейших реальностей. Много ли есть онтологически реального в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях, много ли есть реального в росте ненасытных потребностей? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения. Вся капиталистическая система хозяйства есть детище пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь в обществе, которое окончательно (учащаюсь от всякого христианского аскетизма, отвернулось от неба и исключительно отдалось земным удовлетворениям. Капитализм совершенно невозможно мыслить как сакральное хозяйство, он, конечно, есть результат секуляризации хозяйственной жизни. В этой системе нарушается истинное иерархическое соподчинение материального

духовному. Экономизм нашей исторической эпохи и есть нарушение истинного иерархизма человеческого общества, утеря духовного центра. Автономия хозяйственной жизни привела к ее господству над всей жизнью человеческих обществ. Мамонизм стал определяющей силой века, который более всего поклоняется золотому-тельцу. И ужаснее всего, что в этом ничем не прикрытом мамонизме век наш видит великое преимущество познания истины, освобождения от иллюзий. Экономический материализм наиболее совершенно это формулировал, он признал иллюзией и обманом всю духовную жизнь человечества. Социализм есть лишь дальнейшее развитие индустриально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенных в ней начал и всеобщее их распространение. Социалисты берут у буржуазного капиталистического общества его материализм, его безбожие, его поверхностное просветительство, его нелюбовь к духу и духовной жизни, его жадность к жизни, к ее успехам и удовлетворениям, его борьбу за эгоистические интересы, его неспособность, к внутренней сосредоточенности. Капитализм и социализм одинаково сопровождаются упадком и угасанием духовного творчества, убылью духа в человеческом обществе. Они возникают не почве убьли духа как результат долгого исторического пути отпадения от духовного центра жизни, от Бога. Вся энергия направилась во вне. Это и есть переход культуры в цивилизацию. Отмирает вся священная символика культуры. Этот дух проявляется уже в древних культурах, и ветхозаветные пророки обличают его. Насколько выше, духовнее, потустороннее была культура древнего Египта или культура средневековья, чем современная культура XIX и XX веков. Нам предстоит несомненный факт: в новой истории, гордой своим прогрессом, центр тяжести жизни перемещается из духовной сферы в материальную, из внутренней во внешнюю жизнь, общество становится все менее религиозным. Не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни. Ни за какие священные символы широкие массы не хотят уже бороться и умирать. Люди не живут уже спорами о догматах веры, не волнуются так тайнами божественной жизни, как в старинные времена. Они считают себя свободными от священного безумия. Таков стиль нашей капиталистически-социалистической эпохи. Вот этой эпохе по многим признакам наступает конец. Индустриально-капиталистическая эпоха оказалась хрупкой, она сама себя отрицает, она порождает катастрофы. Мировая война с ее неслыханным ужасом порождена этой системой. Современный империализм вырос в недрах этой системы. Он пожирает сам себя. Капиталистическая Европа начала себя милитаристически истреблять. Трудящиеся классы жили в гипнозе индустриальной системы. Этот гипноз прекратился после катастрофы мировой войны. Народы трудно будет вновь принудить к той дисциплине труда, которая господствовала в капиталистических обществах. И трудно будет восстановить прежнюю производительность труда. Социализм на это не способен. Духовные основы труда разложились и еще не найдено новых. Дисциплина труда есть жизненный вопрос для современных обществ. Но это есть вопрос об освящении и оправдании труда. Вопрос этот совсем не ставится ни в капитализме, ни в социализме, который самым трудом совсем не интересуется. Чтобы дольше жить, обанкротившимся народам придется, быть может" вступить на иной путь, на путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста, потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, т. е. отрицания основ индустриально-капиталистической системы. Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение ее роли, подчинение ее человеческому духу. Придется по-новому обратиться к природе, к сельскому хозяйству, к ремеслам. Город должен приблизиться к деревне. Придется организоваться в хозяйственные союзы и корпорации, принцип конкуренции заменить принципом кооперации. Принцип частной собственности в вечной своей основе сохранится, но будет ограничен и одухотворен. Чудовищных частных богатств новой истории не будет. Равенства тоже не будет, но не будет и голодных и погибающих от нужды. Придется перейти к идее упрощенной элементарной материальной культуре и более сложной духовной культуре. Конец капитализма есть конец новой истории и начало нового средневековья. Грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось. Но до этого быть может еще сделает попытку развиваться техническая цивилизация до последних пределов, до черной магии, равно как и коммунизм.

Мы вступаем в эпоху, во многом аналогичную эпохе эллинистической. Если никогда не было такого разъединения и вражды, то никогда на протяжении новой истории не было такого мирового сближения и объединения. Кровавый раздор мировой войны способствовал сближению и братанию народов, объединению рас и культур. Мировая война вывела Европу из ее замкнутого состояния. Судьба всех национальностей перестала быть замкнутой и изолированной, все от всех зависит. Устройство всякого народа ныне зависит от состояния всего мира. То, что

совершается в России, отзывается на всех странах и народах. Никогда еще не было такого соприкосновения мира Запада и мира Востока, которые долго жили изолированно. Культура перестает быть европейской, она становится всемирной. Европа принуждена будет отказаться от того, чтобы быть монополистом культуры". Россия, стоящая в центре Востока и Запада, хотя страшным и катастрофическим путем, получает все более ошутительное мировое значение, становится в центре мирового внимания. Еще до мировой войны империализм в своей неотвратимой диалектике выводил государства и народы из их замкнутого национального существования и ввергал их в мировую ширь, бросал за моря и океаны. Капитализм на вершинах своих создал мировую систему хозяйства и поставил экономическую жизнь каждой страны в зависимость от мирового экономического положения. Он в высшей степени способствует экономическому сближению народов и ему свойственен своеобразный интернационализм. С другой стороны, социализм принимает интернациональный характер, и в коммунистическом интернационале по-новому и извращенно восстает старая идея принудительного универсализма. Распавшийся мир новой истории, находящийся в состоянии кровавой борьбы наций, классов и отдельных людей, одержимый подозрительностью и злобой, разными путями стремится к универсальному единству, к преодолению того исключительного национального обособления, которое довело нации до падения и разложения. Европа не только нанесла себе страшные удары в мировой войне, но она продолжает истреблять себя в непрекращающейся расправе Франции и Германии, во взаимной подозрительности и недоброжелательстве всех наций. Никакого высшего и общего духовного трибунала нации не признают. Но под этим, глубже этого идет процесс мирового объединения, более широкого, чем европейское. Интернационализм есть отвратительная карикатура на вселенность. Но дух вселенности должен пробудиться у христианских народов, воля к свободному универсализму должна обнаружиться. Русский народ из всех народов мира наиболее всечеловеческий, вселенский по своему духу, это принадлежит строению его национального духа. И призывом русского народа должно быть дело мирового объединения, образование единого христианского духовного космоса. Но для этого, конечно, народ русский должен быть крепкой национальной индивидуальностью. Народ русский на путях своих подвергается самым большим соблазнам и соблазнам самого противоположного характера исключительному интернационализму, истребляющему Россию, и не менее исключительному национализму, отделяющему Россию от Европы. Процессы, направленные к преодолению национальной замкнутости и к образованию универсального единства, я называю концом новой истории, ее индивидуалистического духа, и началом нового средневековья. В этом смысле коммунистический интернационализм есть уже явление нового средневековья, а не старой новой истории и к новому средневековью нужно отнести всякую волю к религиозному объединению, соединению разорванных частей христианского мира, волю к универсальной духовной культуре, обнаруживающуюся в высшем духовном слое современного человечества. Это не, значит, что новое средневековье будет исключительно пацифично, не будет знать войн. Предстоит, быть может, великая борьба и к ней нужно быть готовым. Но войны будут не столько национально-политическими, сколько духовно-религиозными.

Вопрос на понимание (Социология) (5 баллов)

Как в обществознании называется явление, охарактеризованное автором как «упадок веры, ослабление духовной жизни»? Автор утверждает, что «индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни — все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы». Как Вы считаете, корректно ли данное утверждение с точки зрения академического обществознания? Выразите обоснованную позицию по этому вопросу и приведите не менее трех аргументов в поддержку занимаемой вами позиции.